

УЧЕНЫЕ-ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А.Д. СУХОВ

Одна из характерных особенностей русской философии – ее открытость. Она соприкасается с другими сферами духовной деятельности, иными отраслями знания. В этих местах соприкосновения формируются обширные комплексы идей. Образуются они и при контактах с естествознанием.

Складывается идейное направление, промежуточное между естествознанием и философией, философское по принадлежности, но имеющее прочные и устойчивые связи с естествознанием. Обращения ученых-естественников к философии, попытки единить с ней свою основную профессию, традиционны. Уже в XVIII веке русская наука дала миру таких ученых, которые одновременно были и естествоиспытателями, и философами. Имя М.В. Ломоносова вписано и в историю естествознания, и в историю философии.

Тяга естествоиспытателей к философии, вообще говоря, закономерна. Постановка в естествознании кардинальных теоретических проблем (а такие проблемы неизбежно ставятся в ходе развития любой естественной науки) направляет естествоиспытателя к философии, пробуждает интерес к ней. История науки знает натуралистов, обращавшихся к философским источникам при решении основополагающих естественнонаучных вопросов, пытавшихся найти в философии точку опоры, сознательно использовать ее в своем творчестве. Некоторые из них, продолжая быть естествоиспытателями, становились также и философами. XVIII веку, помнящему Ломоносова, известны ученые этого плана и в других странах. Среди них Ж.Л. Д'Аламбер, Б. Франклин...

Тенденции такого рода, существовавшие и в более отдаленные времена, усиливаются в XIX и XX столетиях, когда наука окончательно перерастает эмпирический уровень. Во 2-й половине XIX – XX вв. на уровень философских обобщений выходит целая группа русских ученых-естествоиспытателей с мировыми именами. В философии появляется особое направление, имеющее приверженность к естествознанию. Оно стало одним из своеобразных компонентов русской философии, усилив присущую ей специфичность. Среди наиболее значимых представителей этого направления могут быть названы И.М. Сеченов, Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, К.А. Тимирязев, И.П. Павлов, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский. Сложилась особая сфера философского знания, граничащая с естественными науками.

В наше время основное внимание историков русской философии сосредоточено на религиозном идеализме. Но для того, чтобы она предстала как целостное явление, необходимо исследовать и другие ее проявления, в частности, в трудах естествоиспытателей, выявить сферу философских поисков и интересов здесь, место, принадлежащее философским взглядам натуралистов в общей истории русской философии.

В небольшой статье, конечно, нет возможности сколько-нибудь полно осветить то, что было сделано для философии русскими естествоиспытателями. Остановимся поэтому лишь на некоторых сюжетах и эпизодах из числа тех, которые способствовали переменам в философском мышлении.

Становление материалистического направления в русской философии

Появление материализма как особого направления в философии после длительного господства здесь идеализма и теологии связано с именами: в Англии — Ф. Бэкона, в Германии — Л. Фейербаха. Философия — главный вид их деятельности. В русской философии это направление имело своим основоположником М.В. Ломоносова, хотя и универсала, но все же по преимуществу естествоиспытателя.

В своих исследованиях, каких бы отраслей знания они ни касались, Ломоносов придерживался чисто научного подхода и абсолютно исключал какие-либо иные, предполагающие нечто трансцендентное. По его убеждению, «все, что есть в телах или совершается в них, происходит от конечного протяжения, силы инерции и движения их»¹.

Для Ломоносова материальность мира и его движение — два неразрывных свойства. Этим принципом он руководствовался в своей повседневной научной деятельности. Есть у него и специальная работа по данному предмету — «О тяжести тел и об извечности первичного движения», где он доказывает, что движение (в том числе и так называемое *первичное*, признаваемое деизмом как следствие первотолчка) не имеет начала, но длится «извечно». Установленный Ломоносовым закон сохранения вещества и движения имел (да и сейчас имеет) кардинальное значение не только для конкретных наук, но и для мировоззрения в целом. Собственно говоря, и тот вывод об извечности движения, который был сделан Ломоносовым, является следствием из этого закона.

Впервые Ломоносов сформулировал этот закон на латинском языке в 1748 г. Отвечая на письмо Л. Эйлера из Берлина, он составил небольшой научный трактат и отправил его в виде письма. Датировано оно 5 июля. Ломоносов писал здесь: «Но все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось,

то это отнимается у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется какому-нибудь телу, столько же теряется у другого, сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю от бодрствования, и т.д. Так как это всеобщий закон природы, то он распространяется и на правила движения: тело, которое своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им двинутому»².

Закон сохранения не явился для Ломоносова неким однажды посетившим его наитием, как это иногда представляется, и его формулировка осталась не только в архиве Эйлера. На протяжении своей научной жизни Ломоносов возвращался к этому закону не раз. В конце 1757 — начале 1758 года он пишет на латыни работу «Об отношении материи и веса». В ней он снова обращается к закону сохранения. Текст, относящийся к данному вопросу, почти полностью совпадает с тем, о чем шла речь в письме к Эйлеру.

Сочинение Ломоносова «Об отношении материи и веса» не было тогда опубликовано. Но в 1760 году он пишет и издает другую работу — «Рассуждение о твердости и жидкости тел». Если предыдущие тексты, представляющие закон сохранения, были на латинском языке, то здесь он изложен и на латыни, и на русском. Оба текста в той их части, которая относится к формулировке закона, мало чем отличаются от написанного ранее. Формулировка, впервые данная в письме к Эйлеру, явилась результатом продолжительных исследований и размышлений; именно поэтому она впоследствии фактически не менялась.

Согласно не только ортодоксально-христианским, но и деистическим представлениям мир ограничен во времени. Ломоносов отстаивает совсем иной взгляд на вселенную. Он говорит о ее вечности. Об этом у него, в частности, идет речь в одном из «размышлений» — Утреннем. В «Вечернем размышлении» у Ломоносова есть слова о бесконечности вселенной:

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна³.

В этом бесконечном, не имеющем пределов пространстве, с его безграничным разнообразием, мир, населенный обладающими сознанием существами не может быть единственным.

Уста премудрых нам глашат:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков...»⁴.

Вечность мира, несотворимость вещества, из которого он состоит, изначальность движения, множество населенных миров – такова идейная платформа, которую разделяет Ломоносов.

И.М. Сеченов: обоснование теории отражения

К группе философов-естествоиспытателей принадлежит и И.М. Сеченов. По словам К.А. Тимирязева, одного из его учеников и интеллектуальных наследников, он не только «неоспоримый отец» русской физиологии, но и «центральная фигура» того научного движения, которое проявляло себя, начиная с 60-х годов XIX в. Никто из отечественных ученых не оказал в это время такого, как он, воздействия на современную ему русскую науку и на развитие в обществе «научного духа»⁵.

Труд, прославивший Сеченова, – «Рефлексы головного мозга». Но это произведение принадлежит и русской философии. Философские разработки, начатые Сеченовым в «Рефлексах», и в дальнейшем сопровождали его естественнонаучные исследования. Рефлексы, в буквальном переводе с латыни, – отражения. Именно так и трактуются в этом труде продукты сознания в их отношениях к внешнему миру. Первоисточник мыслей и поступков человека надо искать «вне его».

В «Рефлексах» и других произведениях Сеченова рассмотрена совокупность различных проблем, связанных с познавательным процессом. Психические явления, как и всякие иные, подчеркивает Сеченов, изучаются при помощи опытов, наблюдений, сопоставлений. Изучение продвигается «от простого к сложному»; сложные явления постигаются благодаря более простым, которые на них похожи. Процесс деятельности предопределяет собой психические акты. Акты эти не рождаются в сознании произвольно, но всегда – как следствие.

В человеке нет двух начал, природа его едина. «Человек есть определенная единица в ряду явлений, представляемых нашей планетой, и вся его, даже духовная жизнь, насколько она может быть предметом научного исследования, есть явление земное. Мысленно мы можем отделять свое тело и свою духовную жизнь от всего окружающего... но соответствует ли этому отделению действительная отдельность? Очевидно нет»⁶.

Законы духа, по которым строится наука о внешнем мире, и законы вне нас сущего и совершающегося, находятся в определенном и строгом соответствии между собой. Вследствие отражения сознанием реальности «получается все более и более стройная система знаний, и знаний действительных, потому что они непрерывно оправдываются блистательными приложениями на практике, т.е. успехами техники»⁷.

Предметный мир существует раньше мысли о нем и является «первичным фактором» по отношению к ней. Но все же нервная дея-

тельность не аналог зеркала. Зеркальность – лишь одно из ее свойств. Наряду с этим существуют и другие ее способности, не менее драгоценные, «разлагать» и «сочетать» внешние восприятия, производить обобщения.

Рассматривая в процессе своего научного творчества различные стороны психической деятельности, Сеченов логически подошел к воспроизведению механизма этой деятельности. Им было выяснено и показано, что между чувственным восприятием действительности и мышлением, которое оперирует абстракциями, отвлечениями от реальных вещей, существует по большей части цепь превращений и переходов одних состояний в другие. Чувственная оболочка содержимого при этом постепенно утрачивается. Вывод может достаточно далеко отстоять от посылок, но все же в нем нет ничего, что не содержалось бы в элементах соответственного им прежнего опыта. Путем логических построений можно додуматься до новых истин (положительных знаний), но только в том случае, если посылками к умозаключениям служат факты.

Изучая процесс познания, идущий от действительного мира через ощущения к мышлению, Сеченов не оставил без внимания также отклонения, аберрации, могущие возникать при этом. Он писал: «...если внешнее влияние, т.е. чувственное возбуждение, остается, как это чрезвычайно часто бывает, незамеченным, то, конечно, мысль принимается даже за первоначальную причину поступка... Между тем это величайшая ложь. Первоначальная причина всякого поступка лежит всегда во внешнем чувственном возбуждении, потому что без него никакая мысль невозможна»⁸.

В итоге можно сказать, что теория познания, имеющая философский характер, была сформулирована Сеченовым в соответствии с физиологическими данными, в том числе и прежде всего добытыми им самим. Процесс познания трактуется как сложный, многоступенчатый, включающий возможность отхода мысли от действительности. Но его призвание – давать верное, адекватное воспроизведение универсального мира, что подтверждается и фактами поведенческого обихода, и воплощением научных открытий в практические дела человечества.

Теоретические разработки Сеченова были продолжены И.П. Павловым и другими учеными. Концепция Сеченова стала, по словам Павлова, «научным рычагом», направляющим всю последующую работу по изучению головного мозга.

Критика спиритизма

Еще один представитель рассматриваемого направления в философии, Д.И. Менделеев, – прежде всего химик, но не только химик. По широте и многосторонности научных интересов Менделеева принято

сопоставлять с М.В. Ломоносовым. Он, как и его предшественник Ломоносов, также обращался к философии. Себя, когда речь шла о его философской принадлежности, Менделеев называл «реалистом». Реализм, как он его себе представлял, стремится выразить действительность объективно, в соответствии со здравым смыслом, не прибегая к предвзятым суждениям.

Философский реалист Менделеев — исследователь спиритизма и борец с ним. Спиритизм — мистическое учение, которое объясняет явления, происходящие на сеансах с участием группы лиц и медиума, непосредственным вмешательством духов умерших, их душ. Получил распространение с середины XIX в.; появился в Соединенных Штатах, оттуда проник в Европу, из Европы — в Россию. Несмотря на то, что здесь, в России, имели место религиозная нетерпимость и жесткая церковная практика, спиритизм в общем уживался с местными условиями. Он был принят частью привилегированного общества и фактически легализовался.

В сферу спиритизма оказались втянутыми даже некоторые ученые-естественники. Среди них такие крупные научные величины, как А.Р. Уоллес, английский биолог, одновременно с Ч. Дарвином пришедший к идее естественного отбора, У. Крукс, член Лондонского королевского общества, знаменитый химик и физик и др. В России этот список был пополнен именами А.М. Бутлерова, корифея органической химии, Н.П. Вагнера, зоолога, и др.

Собственно говоря, Менделеев и обратился к изучению спиритизма именно из-за того, что адепты его появились в русском естествознании, среди его товарищей по науке, и выступления их начали воздействовать на общественное мнение. Менделеев вспоминал: «Когда А.М. Бутлеров и Н.П. Вагнер стали очень проповедовать спиритизм, я решился бороться против суеверия... Противу профессорского авторитета — следовало действовать профессорам же»⁹.

По предложению Менделеева Русское физико-химическое общество при Петербургском университете создало специальную комиссию для изучения спиритических явлений, которая действовала в 1875 — 1876 годах. Менделеев был ее председателем. В комиссию вошли не только те, кто был настроен по отношению к спиритизму скептически, но и его сторонники (впоследствии они вышли из нее, посчитав, что большинство членов комиссии не проявляет к спиритизму должной объективности). Были приглашены и медиумы, рекомендованные ими. Комиссия присутствовала на спиритических сеансах, анализировала и обсуждала их результаты. Менделеев со своими соображениями выступал и в комиссии, и вне ее. Он прочел три публичные лекции о спиритизме. Вместе с материалами комиссии (протоколы заседаний, заявления, которые делались ее членами и пр.) они были опубликова-

ны Менделеевым в виде отдельной книги («Материалы для суждения о спиритизме») в Петербурге в 1876 г. В списке сочинений Менделеева, составленном им самим в 1899 г., те из них, которые он находил наиболее важными, подчеркивались им два или три раза. Данная работа была отмечена им тремя подчеркиваниями.

Менделеев отделяет явления, которые обнаруживают себя на сеансах, от объяснений их, даваемых самими спиритами. Рассуждения о духах и непосредственном общении с ними, свойственные спиритизму, позволяют отнести его к разряду мистических учений. Но «мистицизм — детство мысли, развитие его — застой, а не прогресс знания»¹⁰. Спиритизм «есть суеверие», т.е. «уверенность, на знании не основанная. Наука борется с суевериями, как свет с потемками»¹¹.

Учение о духах имеет давние традиции, и Менделеев указывает на них. Спиритическим духам предшествовали гномы, эльфы, ведьмы, домовые и т.п. образы язычества. Есть у спиритизма генетические связи и с позднейшими религиями, в том числе с христианской. Ведь, по мнению спиритов, «души умерших не перестают существовать, хотя и остаются в форме, лишенной материи»¹². Спиритизм признает возможность «воображаемых интеллектных существ». Менделеев вполне уловил религиозное начало в рассуждениях спиритов.

Действительно, вера в духов и души, как и в их посмертное существование, — неотъемлемая составная часть любой религии. Так что спиритизм можно считать одним из многочисленных проявлений общего религиозного сознания. На эту сторону дела и обращено постоянно внимание Менделеева.

Итак, наука отвергает «гипотезу духов», потому что она бездоказательна, не соответствует реальным данным. Иначе следует подходить к самим явлениям, происходящим на сеансах: они нуждаются в объяснении, но не таком, какое дают спириты, а в ином, научном. Менделеев перечисляет требования, которые предъявляются к исследователю спиритических явлений. Они те же самые, что и при любом научном поиске вообще. Для того, чтобы делать точные и достоверные заключения, необходимы опыты, осуществляемые с вниманием и беспристрастно. Не обойтись без наблюдений и сбора фактов, их анализа, сопоставлений с изученными уже ранее.

Менделеев намечал и конкретные пути научного поиска. Им были выдвинуты собственные гипотезы и отмечены кое-какие из существующих, что было призвано облегчить предстоящие исследования. Первая из этих гипотез, в его наименовании — «органическая»: звуки, слышимые на сеансах, могут производиться суставами и связками медиума или быть следствием чрево вещания. Вторая гипотеза — «механическая»: мускульные напряжения рук при их наложении на стол переходят в колебательные состояния, и колебания эти пере-

даются столу. Третья гипотеза — «магнетическая»: нервный ток, подобный гальваническому, посылается от мозговых центров к органам тела; спиритический стук уподобляется в этом случае электрическому удару у скатов и некоторых рыб.

Наконец, существует гипотеза, допускающая самообман, галлюцинации, экстаз, предвзятую идею и т.п. Менделеев считал, что гипотеза эта пока, на данном уровне науки, не может быть обставлена прямыми доказательствами, но нецелесообразно было бы исключить ее полностью.

Руководствуясь этими гипотезами, и действовала комиссия. Нельзя было, конечно, за несколько месяцев ее работы всесторонне и исчерпывающе объяснить спиритические явления. Но, во всяком случае, их изучению в России начало было положено.

Менделеев высказывал предположение, что в предстоящих поисках возрастет роль наук, выявляющих и интерпретирующих состояния человеческой психики. Он писал: «Тот мост между явлениями физическими и психическими, который видят спириты в медиумических явлениях, составляет действительно мост желанный, и такой наука рано или поздно построит. На постройку пойдет материал физиологии и психологии, терапии и психиатрии... Медики уже начали исследовать гипнотизм, транс и другие нервные состояния, в которых выражаются с известным оттенком особенности нервной деятельности»¹³. Этот прогноз Менделеева, подобно многим другим, им высказанным, оправдался. Спиритические явления стали объектом психологии и парапсихологии, которые рассматривают их в одном ряду с другими так называемыми загадочными явлениями психической жизни людей.

И.И. Мечников: идеи философской антропологии

И.И. Мечников — один из наиболее философичных русских естествоиспытателей. Он автор книг — «Этюды о природе человека. Опыт оптимистической философии», «Этюды оптимизма», «Сорок лет искания рационального мировоззрения». Все они — достояние не только естествознания, но и философии. В рамках философской антропологии Мечниковым были проанализированы две взаимосвязанные темы: о дисгармониях человеческой природы и об ортобиозе — полноценном жизненном цикле. В связи с этим, в качестве частного вопроса, был рассмотрен вопрос о восприятии смерти.

Исходными для Мечникова послужили выводы дарвинизма о том, что наряду с гармоническими явлениями в живой природе существуют и явления дисгармонические, что прогресс сопровождается регрессом и что утратившие значение структуры и функции организма не всегда успевают вовремя и бесповоротно сойти со сцены жизни. Вслед за

Ч. Дарвином Мечников не исключал такой вариант трансформации, когда новые виды появляются не путем медленного и постепенного развития, но внезапно, скачком.

Мечников считал, что человек своим происхождением обязан такому, скачкообразному развитию. Именно этим объяснил он большую сохранность в природе человека ряда ненужных ему и даже вредных для него особенностей. Многое, полученное от животных предков, в процессе быстрого перехода оказалось неизжитым. Говоря образно, Мечников утверждал, что в человеческом теле заключено целое низшее животное существо.

Но дело не в одних только морфологических и физиологических пережитках — остаточных, рудиментарных, осложняющих элементах человеческой природы. Человек живет в совершенно новых, небывалых прежде условиях — социальных. Этой обстановке не вполне соответствует не только его физическая организация, но и его психология. «Низшее животное» обитает не только в теле человека; оно сидит «далеко не заглушенным» и в его психологии. «Предоставьте ему только свободно развиваться на том основании, что оно составляет “естественное свойство” нашего организма, и оно не замедлит вырваться»¹⁴.

Выявленным дисгармониям Мечников противопоставлял учение об ортобиозе, полноценном жизненном цикле, которое предусматривало отыскание средств к их исправлению, устранению. Мечников высказывал предложения, как гармонизировать отношения человека с обществом. Из-за своего крайнего несовершенства они подлежат переделке, причем «самой капитальной», что, в конечном счете, должно отразиться и на самой природе человека. Индивидуализму и эгоизму, царящим в обществе, крайностям богатства и бедности, которые его отличают, должны прийти на смену иные начала, соответствующие новому социуму. Это — взаимопомощь и солидарность в отношениях между людьми, отказ от роскоши и излишеств, трудовой, умеренный образ жизни.

Рассматривая человеческую природу, Мечников предлагает отказаться от взгляда на нее как на нечто неизменяемое. Она может и должна претерпеть изменения сообразно определенному плану и к благу самих людей. Человек уже давно не удовлетворяется природой растений и животных в том именно виде, как она сложилась, но видоизменяет ее сообразно своим надобностям. Однако переделка природы человека требует иных подходов. «Методы, пригодные для растений и животных, должны быть вполне изменены в приложении к человеку. Здесь не может быть и речи о подборе и скрещиваниях, применимых ко ржи и сливам. Но мы все же вправе составить себе идеал человеческой природы, к которому человечеству следовало бы стремиться»¹⁵.

Человечество будет находить способы совершенствовать собственную природу в соответствии с объективно складывающимися возможностями. Природа эта, слагаемые которой весьма разнообразны по своему происхождению, содержит такие элементы, которыми стоит воспользоваться, чтобы сделать ее гармоничнее.

Составная часть ортобиоза — продление человеческой жизни. Пока что она слишком коротка и не позволяет человеку в полной мере проявить все свои возможности. Опираясь на статистику, литературу о долгожителях, свои личные впечатления от встреч с людьми разных возрастов, Мечников высказывает прогнозы о достижимой средней продолжительности человеческого существования. Он считает, что этот возраст должен составить где-то 100 — 120 — 145 лет.

Но долгая жизнь — это еще не все. Нужно добиться — и это одна из главных проблем ортобиоза, — чтобы она не была отягощена физическими невзгодами. В этом отношении наиболее уязвимая часть жизни — старость. Важно, чтобы она была не патологической, болезненной, а физиологической, нормальной, деятельной. Старость — этап жизни человека; душевная деятельность его именно в это время идет вперед, получает дальнейшее развитие.

Мечников писал о том, сколь многого уже достигли естествознание и медицина, борясь с болезнями и побеждая их для продления жизни и обеспечения нормальной старости. Можно ли сомневаться в том, что в будущем они сделают еще больше?

Завершение ортобиоза — естественная смерть. Продолжительная жизнь и долгая, деятельная старость приводят, в конечном счете, к чувству насыщения существованием и к желанию смерти. Инстинкт жизни, постепенно исчезающий, сменяется инстинктом смерти. Правда, такое явление пока что — редкость, и не каждый готов поверить в его достоверность. Мечников полагает, однако, что инстинкт смерти гнездится в природе человека, и если бы цикл жизни следовал своему естественному ходу, то и этот инстинкт появлялся бы своевременно.

Основатель учения об ортобиозе дал начало двум новым отраслям научного знания, занимающимся старостью и смертью, — геронтологии и танатологии. Он не сомневался, что при решении поставленных проблем встретится немало трудностей. «Но характерную черту науки составляет именно то, что она требует большой активности, в то время как религиозные учения и системы метафизической философии ограничиваются пассивным фатализмом и немым смирением. Даже одна перспектива получить в более или менее отдаленном будущем научное разрешение великих задач, занимающих человечество, способна дать большое удовлетворение»¹⁶.

Мечников определял свою философию как оптимистическую. Таковой в действительности она и была.

Религиоведческие штудии

У И.П. Павлова нет работ, специально посвященных философии, да и философом он себя не считал. Однако его исследования, теоретичные по своей природе, содержат философемы, в виде фрагментов эссеистического характера, рассуждений. Поднимал он некоторые философские проблемы и на своих «средах», встречах с учениками и сотрудниками.

Философия религии — один из аспектов философских интересов Павлова. С опорой на свой научный и жизненный опыт Павлов самостоятельно развил ряд положений этой философской науки, временами — весьма проницательно. Нет ничего ошибочнее, чем представление о Павлове как о верующем ученом. Выходец из религиозной среды, он тем не менее стал, по его собственным словам, рационалистом «до мозга костей» и «с религией покончил»¹⁷.

Религия трактовалась Павловым как «дело слабых». Именно для таких людей она «имеет силу». Религия возникла в первобытные времена потому, что человек тогда был беспомощен и не уверен в себе. «Когда человек, — говорил Павлов, — впервые превзошел животное и когда у него явилось сознание самого себя, то ведь его положение было до последней степени жалкое: ведь он окружающей среды не знал, явления природы его пугали, и он спасал себя тем, что выработал себе религию, чтобы как-нибудь держаться, существовать среди этой серьезнейшей, могущественнейшей природы»¹⁸. Это предназначение свое религия, по его мнению, сохраняет и в дальнейшем.

В современном научном религиоведении функция религии, помеченная Павловым, именуется компенсаторной. Смысл ее для человека в том, чтобы попытаться преодолеть, пусть иллюзорно, собственную неполноценность, сгладить неудачи и несчастья, особенно обостренно воспринимаемые в неблагоприятной обстановке, подыскать психологический амортизатор. Рассмотрению религии как компенсатора и амортизатора и посвящен в основном религиоведческий поиск Павлова.

Религия — там, утверждает он, где человеку трудно. Это — ее свойство, ее назначение. Павлов противопоставляет друг другу социальные типы людей. Один из них — слабый, теснимый невзгодами, поддающийся религии и нуждающийся в ней. Другой — сильный, противостоящий неблагоприятным воздействиям, обходящийся без религии. «Ведь вера для чего существует? Вера существует для того, чтобы дать возможность жить слабым... Она необходимая опора в этих фантазиях. Это как бы инстинкт слабой натуры»¹⁹. А вот иной социальный тип: «Сильные — да, сильные могут сделаться чистыми рационалистами, опираться только на знания, а слабому едва ли это подойдет»²⁰.

Человек обращается к сверхъестественному, когда у него не достает собственных средств, чтобы справиться с негативными реалиями. «Раз человек обижен жизнью, раз у него несчастье такое, что нет надежды на счастье, благополучие и т.д., то что тут удивительного, что человек обращается к религии и рассчитывает на помощь свыше»²¹. Религия овладевает человеком, когда действительность чужда ему, опасна для него. «Тогда, конечно, будешь от такой дрянной действительности больше удаляться, будешь мечтательной, будешь религиозной, потому что религия существует не для радостных, для веселых, в жизни она не нужна, это присказка, а для таких она какая-то надобность, это выход известный»²².

Страх и религия — еще одна тема рассуждений. Когда человек уstraшен действительностью, он, чтобы от этого страха отделаться, обращается к вере в существо справедливое и милостивое, способное его защитить, и тогда ему становится легче²³.

Павлову были известны естественники, склонные к религии. «Вы спрашиваете, — писал он священнику Е.М. Кондратьеву, интересовавшемуся его мнением, — есть ли большие ученые верующие? Конечно, были и есть. Я хорошо помню в каком неловком положении я оказался, когда, несколько лет тому назад, стоя рядом с знаменитым английским химиком Рамзаем, во время службы в Вестминстерском аббатстве по случаю 250-летнего юбилея Лондонского Королевского Общества, вздумал развлекать его какими-то посторонними замечаниями, а он так молитвенно был настроен»²⁴.

Совмещение у некоторых ученых запаса специальных знаний с религиозной верой Павлов принимал как реальный факт. Подобное совмещение он, однако, не находил органичным и логичным. Мирозозрение, пытающееся единить науку и веру, глубоко противоречиво. Павлов называл ученых, поддающихся религиозным воздействиям, таких, как Ч.С. Шеррингтон или В. Кёлер, жертвами анимизма.

Павлов не только не разделял «молитвенных настроений», что ему нередко приписывалось и приписывается. Он был их исследователем и антиподом.

Философствование классиков русского естествознания XVIII – XX столетий, осуществлявшееся на стыке естественных наук и философии, расширяло область философского знания; то, что было привнесено ими, упрочивало и развивало традиции русской философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 1. – М.; Л., 1950. – С. 185.

² Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 2. – М.; Л., 1951. – С. 183 – 185.

³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 8. – М.; Л., 1959. – С. 120.

- ⁴ Там же. – С. 121.
- ⁵ См.: *Тимирязев К.А.* Соч. Т. VIII. – М., 1939. – С. 164 – 165.
- ⁶ *Сеченов И.М.* Избр. филос. и психол. произв. – М., 1947. – С. 285.
- ⁷ Там же. – С. 329.
- ⁸ Там же. – С. 157.
- ⁹ *Менделеев Д.И.* Соч. Т. XXV. – М.; Л., 1952. – С. 723.
- ¹⁰ *Менделеев Д.И.* Соч. Т. XXIV. – М.; Л., 1954. – С. 186.
- ¹¹ Там же. – С. 236.
- ¹² Там же. – С. 194 – 195.
- ¹³ Там же. – С. 234.
- ¹⁴ *Мечников И.И.* Акад. собр. соч. Т. XIII. – М., 1954. – С. 141.
- ¹⁵ *Мечников И.И.* Акад. собр. соч. Т. XII. – М., 1956. – С. 258.
- ¹⁶ *Мечников И.И.* Акад. собр. соч. Т. XI. – М., 1956. – С. 237.
- ¹⁷ Павловские клинические среды. Стенограммы заседаний в нервной и психиатрической клиниках. Т. III. – М.; Л., 1957. – С. 360.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Павловские клинические среды. Т. I. – М.; Л., 1954. – С. 215.
- ²⁰ Павловские клинические среды. Т. III. – С. 360.
- ²¹ Павловские клинические среды. Т. I. – С. 569.
- ²² Павловские клинические среды. Т. II. – М.; Л., 1955. – С. 170 – 171.
- ²³ Павловские клинические среды. Т. I. – С. 45.
- ²⁴ *Павлов И.П.* Письмо Е.М. Кондратьеву. 25 июня 1928 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). – Ф. 259. Оп. 2. Ед. хр. 1063. Л. 1. В этом же письме, разъясняя свою мировоззренческую позицию, Павлов заявил: «...я сам неверующий».

Аннотация

В статье проанализировано направление в русской философии, граничащее с естествознанием, имеющее прочные и устойчивые связи с ним. Русская наука XVIII – XX веков знает ученых, являвшихся одновременно и естествоиспытателями, и философами. В статье идет речь о тех их воззрениях, которые обогатили русскую философию.

Ключевые слова: естествознание, философия, Ломоносов, Сеченов, Менделеев, Мечников, Павлов, концепция отражения, философская антропология, спиритизм, философское религиоведение.

Summary

The article deals with a branch of the Russian Philosophy, which was closely connected with a Natural History. The Russian science of XVIII – XX centuries contains scholars, which simultaneously were naturalists and philosophers. The author of the article considers their ideas, which enriched Russian Philosophy.

Keywords: natural history, philosophy, Lomonosov, Sechenov, Mendeleev, Mechnikov, Pavlov, philosophical anthropology, theory of reflection, religious studies.